

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Константы шведской культуры в свете тезаурусного подхода

А. Н. ИВАНОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Основной целью статьи является определение и анализ основополагающих констант тезауруса современной шведской культуры. Анализ дополняется попыткой проследить историю развития анализируемых данных, а также характер взаимосвязи между ними.

Ключевые слова: культурные константы, история культуры.

Constants of the Swedish Culture in the Light of the The saurus Approach

A. N. IVANOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The objective of this article is to define and analyze the fundamental constants of the thesaurus of the Swedish culture. This analyze is supplemented with a short overview of development of the analyzed constants and a description of their correlation.

Keywords: cultural constants, history of culture.

Одной из важнейших частей своего национального самосознания шведы считают слово «lagom» (в меру)¹. В других языках это слово имеет несколько компромиссный и даже проигрышный оттенок, но в шведском «lagom», будучи примененным к тому или иному объекту, возводит его в ранг идеала. Подтверждение этому заключено, в частности, в шведской пословице «Lagom är bäst», что в дословном переводе на русский означает «В меру — лучше всего». Шведское общество не приемлет излишнего богатства

или бедности, о чем свидетельствует уже более чем полувековая традиция правления социал-демократической партии под девизом «Никто не останется позади» («Alla ska med»). С начала 30-х годов XX в. буржуазные партии несколько раз приходили к власти, но не имели долговременной поддержки населения². Стремление к большим деньгам, приравненное во многих капиталистических странах к смыслу жизни, не находит приветствия и понимания в шведском национальном тезаурусе. Материальное богат-

* Иванов Александр Николаевич — преподаватель русского и шведского языков (Стокгольм, Швеция), аспирант кафедры культурологии Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-61-81. Эл. адрес: ivbror@rambler.ru

ство как таковое не входит в число основных приоритетов среднего шведа. У каждого человека, естественно, должно быть «lagom» средств, достаточных для обеспечения достойного существования. Но деньги никогда не превращаются в самоцель. Для шведа намного более существенны спокойная жизнь и количество свободного от работы времени, которое можно проводить с семьей, друзьями или тратить на образование, хобби и т. п. (Bengts, Bruno, Nilson-Puccio, 2001: 107).

Стремление к нейтральности проявляет себя и в отношениях полов, благодаря чему Швецию на сегодняшний день характеризуют как страну, где феминистическое движение достигло наибольших успехов в мире. При отборе кадров работодатели считают своим долгом учитывать не только профессиональные способности претендента, но и соотношение полов на рабочем месте, заботясь о наличии равного количества вакансий как для мужчин, так и для женщин. Женщины активно привлекаются в традиционно «мужские» профессии военных, водителей, пилотов, спортивных комментаторов и проч., а мужчинам, в свою очередь, рады в школах, магазинах и детских садах.

Все более заметная роль женщин на рынке труда заметно влияет и на расстановку сил у домашнего очага. Так, мужчины проводят все больше времени у плиты и ухаживают за детьми. У каждого человека вне зависимости от половой принадлежности должно быть «lagom» рабочего и свободного времени, домашних забот и отдыха, и шведское общество по многим показателям уже почти достигло своего умеренного идеала.

С «lagom» тесным образом связана еще одна центральная константа шведской национальной культуры и менталитета — индивидуализм³. В отличие от русской культуры, где общинное и семейное начало с незапамятных времен определяло отношения между представителями ее общества, шведская социально-культурная модель практически не знает связей такого рода. Эта особенность современного шведского общества уходит корнями в историю шведского государства,

где практически не было крепостного права и коллективного крестьянского хозяйства. В сравнительной перспективе шведские крестьяне обладали уникальной свободой и властью. Шведский историк Ёран Хэгг отмечает, что в Средневековье шведский крестьянин был в большей степени политически и социально свободен, а также более значим как личность, чем в любой другой европейской стране (Hägg, 2003: 197–198).

«Одиночка силен» (Ensam är stark), — гласит шведская поговорка. Скандинавы всегда жили отдельными дворами, которые зачастую находились на значительном расстоянии друг от друга. «Самостийность» каждого из дворов и поселений нередко подчеркивалась специальным диалектом, многие из которых живы и используются до сих пор. Поэтому по характерным диалектальным особенностям, выражающимся как в специфическом произношении, так и свойственных только конкретному диалекту выражениях, чаще всего можно определить, в какой части страны вырос тот или иной человек. Количество диалектов не поддается точному подсчету, но, по данным Гётеборгского университета, на сегодняшний день в употреблении находятся от 300 до 500⁴, а раньше их было еще больше. Эти цифры, учитывая относительно (особенно в сравнении с Россией) небольшую территорию страны, служат достаточно убедительным доказательством принципа функционирования шведского социума в исторической перспективе.

В шведском обществе стремление к личной независимости на уровне индивида на первый взгляд парадоксально сосуществует с очень высоким уровнем доверия к органам государственной власти. Конфликт между независимостью индивида и сообществом находит в шведском обществе особое решение. Исследователи (Berggren, Trägårdh, 2006: 28–54) отмечают, что теоретическая суть этого решения была сформулирована задолго до ее реального воплощения И. Кантом в его категорическом императиве: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь по-

желать, чтобы она стала всеобщим законом» (Кант, 1997: 46). Императив Канта дает каждому волю самостоятельно решать, что хорошо и что плохо в той или иной ситуации. С другой стороны, такое положение автоматически накладывает на каждого человека обязательство создавать и поддерживать правила и законы, что положительно сказывается на уровне равноправия и гражданской ответственности (См.: Reiss, 1970: 1–40). Индивид и общество находятся в амбивалентных отношениях, где обществу свойственна тенденция подчинения индивида правилам социума, а индивид стремится к организации окружающей среды в соответствии с его собственными потребностями. Желание сохранить независимость заставляет человека проявлять все свои скрытые таланты и возможности, что и является основной движущей силой в развитии самого общества и культуры. Результатом конфликтов между индивидуальным и общественным становится общественный договор, ограничивающий свободу граждан в обмен на возможность мирного сосуществования. Кант проводит параллель между обществом и лесом: деревьям приходится бороться за место под солнцем и свободное пространство. Поскольку для выживания необходимы оба компонента, деревья вынуждены выдерживать баланс между ними, что в результате приводит к появлению красивых, ровных стволов.

Сходной точки зрения придерживался Ж. Ж. Руссо. В государстве он видел возможность освобождения людей от личной зависимости друг от друга. Эта зависимость носила для него прежде всего классовый характер, а желание освобождения направлено в первую очередь против аристократии. Основная задача Общественного договора Руссо — «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силу личности и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» (Rousseau, 1994: 28).

«Шведская и скандинавская модель основана на прямых взаимоотношениях между государством и индивидом по вопросам прав и обязанностей. Поддержка (skyddsnet, дословно — защитная сеть) гарантируется вне зависимости от отношения индивида к семье, работодателю или сколько-нибудь доброжелательным благотворительным организациям. Непосредственная зависимость от семьи, родственников, друзей, работодателей и общественных объединений минимизировалась» (Berggren, Trägårdh, 2006: 53). Вероятно, вследствие этого обращение к близким людям за сколько-нибудь значительной помощью практически вышло за рамки приличий. Шведское государство взяло на себя те функции, которые традиционно являлись основой для поддержания тесных социальных связей.

У шведского общественного договора много имен: народный дом (folkhemmet), шведская модель (den svenska modellen), социал-демократическое общество благосостояния (den socialdemokratiska välfärdsstaten). В своей основе все эти понятия символизируют государственную систему, способную, как в кантовском лесу, гарантировать гражданам независимость друг от друга, но не от нее самой.

«В Швеции ценности индивидуализма не подвергаются сомнению, и в отношении этого мы, шведы, не «lagom», а экстремальны», — пишет стокгольмский этнолог Карл-Улов Арнстберг (Arnsberg, 2005: 88). В этом контексте интересный смысл приобретает провокационное утверждение Руссо о необходимости принуждения граждан к свободе: «Чтобы общественное соглашение не стало пустой формальностью, оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам: если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным. Ибо таково условие, которое, подчиняя каждого гражданина отечеству, одновременно тем самым ограждает его от всякой личной зависимости» (Rousseau, 1994: 28). Действительно, единственной нео-

споримой аксиомой пропитанного идеями всевозможных свобод шведского общества видится сама по себе идея усредненного (*lagom*) равноправия, олицетворяемая государством и проводимой им социально-экономической политикой.

Еще одной основополагающей константой в самосознании шведов как нации является «современность» (*modernitet*). Фредерик Линдстрём (*Fredrik Lindström*), шведский лингвист, режиссер и ведущий телевизионных программ, посвященных тематике истории шведского языка и культуры, не случайно дал циклу своих программ о шведском национальном характере название «Самая современная страна в мире» («*Världens modernaste land*»⁵). О. Даун в книге «Шведский менталитет» таким образом формулирует эту черту самосознания народа: «Если вообще возможно определить центр шведского национального самосознания, то им станет именно это представление о современности, о принадлежности к современной Швеции, высокоразвитой и рационально организованной, где справедливость и высокая степень социальной защиты выступают в качестве ведущих принципов» (Dawn, 1998: 173).

Отношение шведов к другим нациям во многом определяется этим представлением. В шведском тезаурусе концепты «религиозность», «духовность», «традиции», «культурное наследие» по статусу во многом приближены к пережиткам прошлого и вытеснены в область «чужого». О них если и говорят, то в контексте дискуссий о выходах из других стран или во время празднования Рождества и Праздника середины лета. Будучи пропитанной идеей рационализма, современная шведская культура не видит прямого смысла в следовании потерявшим актуальный смысл традициям прошлого.

Можно обнаружить немало схожих черт между поведением отдельного индивида в шведском обществе и поведением Швеции на мировой арене. Дети, с раннего возраста возвращенные на идеалах индивидуализма, вынуждены со временем адаптироваться

к вхождению в разного рода коллективы. Чтобы не быть отвергнутым, индивиду приходится проявлять чрезвычайную осторожность в выражении собственных мнений (отсюда распространенный стереотип о застенчивости и нерешительности шведов в общении с другими людьми, особенно представителями иных наций). Можно предположить, что стремление шведов как нации к постоянному «осовремениванию» связано с необходимостью самоутвердиться, произвести достойное впечатление в сообществе наций. Подтверждением этому может послужить глобальная интернетизация страны в 90-х годах XX в. В стране появилось большое количество магазинов, предлагавших товары на любой вкус. Их появление было обусловлено верой в успешность интернет-магазинов как технологии продаж будущего. Впоследствии интернет-торговля не оправдала возложенных на нее надежд, и многие из вовлеченных в этот сегмент рынка компаний обанкротились, что привело к разрыву «*IT-bubblan*» (в прямом переводе «пузырь информационных технологий»). Характерно, что вовлеченными в этот процесс в первую очередь оказались не только США и Великобритания как центры мировой цивилизации, но и страны Скандинавии, включая Швецию.

По всей вероятности, самой древней из выделяемых нами констант можно считать «индивидуализм», исторически наиболее прочно закрепившийся в центре шведского тезауруса. Следствием индивидуалистических тенденций в обществе стало стремление к автономности каждой личности, основанной на равноправии каждой из них по отношению друг к другу. Ответственность за реализацию этого стремления была возложена на органы центральной власти, что обусловило ставший уже традиционно высоким уровень законопослушности и доверия народа власти преобладающим.

Образование константы «*lagom*», как нам кажется, явилось следствием развития парадигмы индивид — государство. Шведское общество на уровне индивида фактически выработало договор с органами власти, в котором

первые выказывают последним полную поддержку и доверие в обмен на гарантию обеспечения порядка, независимости и равных условий существования для каждого гражданина вне зависимости от пола, возраста, национальности, социального положения, финансовой обеспеченности и прочих признаков. Это стремление к избеганию крайностей явилось залогом образования константы «lagom», символизирующей жизненно необходимое для существования «кантианского леса» умеренное равновесие.

С этой точки зрения константа «современность» (modernitet) также находится в тесной связи с константой «индивидуализм». В тяготе к следованию последним тенденциям (как на личном, так и на национальном уровнях), готовности и желании приспособляться к постоянно изменяющимся требованиям окружающего мира просматривается поведение индивида, который вынужден вживаться в коллектив, стремление соответствовать требованиям и следовать правилам. Доминирующие мировые тенденции, как правило, очень быстро приживаются в шведском тезаурусе. Швеция легко впитывает в себя фрагменты различных культур, в больших количествах принимая иммигрантов из многих стран мира. «Современность» в этом смысле равна желанию не остаться позади в гонке за достижениями мирового прогресса.

Все три вышеперечисленные константы, будучи тесно взаимосвязанными, образуют собой центр тезауруса или основу картины мира шведской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь Шведской академии наук (Svenska Akademiens ordbok) содержит следующие значения слова «lagom»: 1) надлежащего содержания, в высшей степени подходящий; 2) в отношении к чему-либо, что не является (или чему не следует быть) слишком большим или в излишнем количестве: умеренный; 3) иронично: хилый, неважный, «средний»; 4) (несколько простонародное) среднего размера, средней ширины, средних вкусовых качеств, нормального размера или силы, нормальный.

² Буржуазные партии формировали коалиционное правительство в 1976–1978, 1979–1981, 1991–1994 гг. Буржуазным является также действующее правительство после выборов в октябре 2006 г. Источник: <http://www.moderat.se/web/Historia.aspx>

³ Слово «individualism», по данным словаря Шведской академии наук (Svenska Akademiens ordbok), содержит следующие значения: 1) свойство или отношение, свойственное индивидуальным (отдельным) предметам; 2) метафизическое мировоззрение, которое только лишь конкретное или индивидуальное признает в полной мере действительным; 3) самоутверждение в восприятии и образе жизни; представление, которое позиционирует индивида в отношении к родственникам или всему бытию и (в максимально возможной степени) отстаивает его право на свободное и независимое развитие и деятельность в отношении к государству и обществу.

⁴ [URL] <http://www.ling.gu.se/~anders/SWEDIA/FAQ/od2.html>

⁵ [URL] <http://svt.se/svt/jsp/Crosslink.jsp?d=24691>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Arnsberg, K.-O. (2005) Typiskt svenskt. 8 essäer om nutida Sverige. Stockholm: Carlsson Bokförlag.

Bengts, M., Bruno, U., Nilson-Puccio, S. (2001) Den svenska koden — bra att veta för nya och gamla svenskar. Bromma : KnowWare Publications.

Berggren, H., Trägårdh, L. (2006) Är svensken människa? Stockholm : Norstedts.

Dawn Ä. (1998) Svensk mentalitet. Stockholm : Rabén Prisma.

Hägg, G. (2003) Svenskhetens historia. Stockholm : Wahlström & Widstrand.

Kant, I. (1997) Grundläggning av sedernas metafysik — Uddevalla : Daidalos.

Reiss, H. (1970) Kant's political writings. Cambridge : Cambridge university press.

Rousseau, J.-J. (1994) Om samhällsfördraget eller Staträttens grunder Stockholm : Natur och kultur.